

Веб-журнал "Европейская Афиша" N 10 02/10/2012– www.affiche.info

Небеса подождут.

Екатерина Богопольская

Весь Париж только и говорит, что о новой постановке Ж.-П.Венсаном мольеровского «Дон Жуана» в Comédie Française. Théâtre Ephémère, Эфемерный театр Пале-Рояля. До 11 ноября.

Жан-Пьер Венсан, один из самых известных режиссеров старшего поколения, в 80-е годы – генеральный директор Comédie Française (Комеди Франсез), вернулся в дом Мольера на одну постановку, и предложил новое прочтение «Дон Жуана».

Внешне это костюмный спектакль, возвращающий нас с блеском в галантный XVII век. Внутренне - созвучный поколению французских левых интеллектуалов, пришедших после 1968 года. В общем, Мольер какой-то очень живой. Буквально с пролога - пьеса начинается с оды табаку, с чувством произнесенной Сганарелем: «табак - страсть всех порядочных людей, а кто живет без табака, тот право жить недостоин». По залу заметно пробегает волна воодушевления. (Говорят, что во времена Мольера в Париже тоже действовал запрет на табак, тогда как мода на него процветала в Версале, монополия на табак принадлежала королю: понятно, что драматург выступил здесь на стороне своего покровителя).

Photo Brigitte Enguérand

Напомним, что «Дон Жуан» - самая загадочная пьеса из всех, созданных Мольером, и у нее странная сценическая судьба. В самом деле, «Дон Жуан», появившийся в 1665 году, спустя несколько месяцев после запрещения «Тартюфа», прошел с большим успехом. Но после 15-ти представлений напрочь исчез с афиши. При этом вокруг него не

было такого шумного скандала, как вокруг «Гартюфа. Между прочим, «Гартюфа» через какое время вернули, а «Дон Жуана» при жизни Мольера больше никогда не играли, и текст не издавался. После смерти драматурга, его вдова Арманда Бешар заказала переработку пьесы брату Корнеля, Тома, и в такой версии ее играли до 1847 года! И только после этой даты на французской сцене появился подлинно мольеровский текст «Дон Жуана». В программке спектакля вспоминают эту историю, и в качестве одного из объяснений такого неприятия, приводят отрывки из знаменитого текста «Замечания на комедию Мольера» некоего Рошмона, в которой тот, детально анализируя пьесу, обвиняет Мольера в атеизме: «атеист в финале комедии, как кажется, уничтожен. На самом деле, он сам низвергает и опрокидывает все основы религии».

Вот, кажется, ключ к пониманию Венсановской трактовки «Дон Жуана».

В центре спектакля – два виртуозных актера, Дон Жуан - Лоик Корбери и Сганарель – Серж Багдасарьян.

Photo Brigitte Enguérand

Воздушный, легкий, игровой темперамент Лоика Корбери (мы запомнили его в «Укрощении строптивой», поставленной здесь Коршуновасом 4 года назад) как нельзя лучше подходит к роли. В начале перед нами юный красавчик в златокудром парике. Если дон Жуан Лоика Корбери - вертопрах, то ужасно обаятельный. Опыренный желанием, собственной юностью, избытком сил. В Корбери ничего от вырождающегося искателя наслаждений или стареющего циничного Казановы, пожившего и разочарованного в мире философа, как обычно его изображают во Франции после Жана Вилара. Есть в этом дон Жуане первых сцен радостная избыточность человека Ренессанса, ничего от вымороченного героя позднего маньеризма. С наслаждением отдается он всем соблазнам, в том числе любовным, но не просто играет, не просто ищет очередную жертву - сам в этот момент страстно верит, что влюблен. Не расчётливый соблазнитель, но тот, что «сам обманываться рад». Все в нем бурлит от избытка жизненных сил. (Блистательно сыграна сцена с крестьянками - Шарлоттой и Матюриной). Во втором действии сбрасывает парик, и вместе с ним всю мишуру – перед нами аристократ-либертин, предтеча тех, кто создавали французский XVIII век. Этот дон Жуан осознанно сопротивляется небу, он - атеист по убеждению, атеист все более уверенный в своей правоте, все более упорный и даже отчаянный (вызов Командору для него игра, он до конца так и не верит в

потусторонний мир). И было от чего стать атеистом, если вслушаться в картину общественных нравов, которые он рисует в конце четвертого акта, после визита отца, обличая ханжеское общество: «Лицемерие - модный порок, а все модные пороки сходят у нас за добродетель». Прекрасные безумства молодого дон Жуана явно веселее, чем застегнутый на все пуговицы камзол лицемерия, в который он собирается облечься в пятом акте.

Photo Brigitte Enguérand

Но дон Жуан в спектакле немислим без Сганареля. Серж Багдасарьян-толстый добродушный толстяк, и рядом с изящным дон Жуаном они напоминают пару Санчо Пансо - Дон Кихот. Но прежде всего, Серж Багдасарян - это каскад актерских придумок. Если пьеса Мольера по жанру колеблется между комедией и трагедией, Жан-Пьер Венсан скорее склоняется к комедии.

Сганарель Багдасарьяна не только комический простак, фарсовый слуга, как положено по амплуа, но еще и напарник Дон Жуана, и немножко даже учитель. В пьесе Сганарель явно недалек, его защита Бога скорее способна вызвать (и вызывала у современников Мольера) обратную реакцию: он впитал народную веру, не лишённую суеверий, его доказательства примитивны. (В памфлете Рошмона самым богохульным из двух героев назван слуга, своими нелепыми тирадами в защиту религии выставяющий ее на смех). Здесь же непросвещенная вера Сганареля кажется не проповедью недоучки-лакея, но жаркой верой простого человека, которую тот противопоставляет неверию образованного аристократа: его доказательства смешны уморительно, но это не бессвязный лепет. Противопоставляет тем более страстно, что Сганарель Багдасарьяна своего хозяина любит, и желает его спасти. Финальную тираду - «мое жалование, мое жалованье» произносит без упора на деньги, больше, чем о злате жалеет о потере общества дон Жуана. Свои корявые рассуждения Сганарель-Багдасарьян часто сопровождает мимикой, в сцене, где он славит «машину человеческого тела», созданного Богом, доходит до настоящего буффонного танца.

Донья Эльвира тоже решена довольная неожиданно – не высокомерная знатная дама, одержимая идеей мщения, но влюбленная девчонка, отправляющаяся в мужском костюме, как героини шекспировских комедий, на поиски возлюбленного. В отличие от этих последних, выяснение отношений ничего не улаживает, а только утверждает ее в понимании того, что она отвергнута. Никаких дамских ломаний и кокетства, Эльвира Сульян Брахим - натура цельная и сильная. В финале она появляется не под вуалью, как в ремарке Мольера, а в строгих белых одеждах монахини: ее выбор, в самом деле, сделан, и ее мистическое преображение, истинная вера впервые вызывают у дон Жуана

неподдельный интерес к самой Эльвире. Он, едва выносивший ее присутствие в первом акте, теперь сам просит ее остаться. Таких моментов просветления в спектакле два – есть еще сцена с Нищим. Стоический отказ Нищего богохульствовать, чтобы получить золотой, вызывает в этом дон Жуане не то, чтобы сомнение в своей правоте, но своего рода искорку чистой радости - неужто природа человека не так безнадежно плоха?

Пьеса Мольера предполагает пять перемен декораций. Жан-Поль Шамбас, постоянный сценограф Венсана на протяжении более трех десятилетий, придумал, как обойтись без громоздких перемен. Пространство состоит из подвижных панелей ярких цветов, которые складываются в разные конфигурации.

Среди цветных плоскостей выделяется огромное панно ярко-красного цвета, которое, подобно избушке бабы-яги из русских сказок, поворачивается к нам то одной стороной, то другой, и на протяжении спектакля все больше выдвигается к залу. «Дон Жуан и Сганарель живут своей жизнью, радуются ей, но эта свобода всякую минуту находится под угрозой массивной стены, которая как бы следует за ними», - объясняет свой замысел режиссер. Своей массой, несоразмерной человеку, стена призвана подавлять, именно из нее выйдет в финале исполинская статуя Командора в одеяниях римского императора, тоже ярко-красного цвета. Подвижные плоскости помещены в пустое пространство (только в первой сцене на заднике появляется рисованная перспектива итальянского города, действие пьесы происходит в Сицилии), тогда как на авансцене разбросано несколько камней, как в японском саду. К декоративному японскому саду отсылает и пейзаж - основная ветка на фоне цветных панелей в первом акте, перевернутые кроны сосен в сцене «В лесу».

Не совсем понятно, почему Венсан и Шамбас поместили действие в японский сад. Только ради красоты визуального ряда?

Но главный сюрприз ожидает зрителя в финале.

После встречи с Командором дон Жуан не исчезает в языках пламени, а схватившись за сердце, падает на авансцену среди камней. (Понятно, думаем мы, не используют театральную машинерию, потому что в Эфемерном театре она не предусмотрена). Но после долгой паузы под сетования Сганареля, мертвец неожиданно оживает, к немислимой радости слуги, и, обнявшись, они уходят куда-то вдаль, к новым приключениям.

«Я не уверен, что дон Жуан удостоился Божьей кары, возможно, это просто несчастный случай», - говорил мне после премьеры Жан-Пьер Венсан. – Но дон Жуан, несомненно, жив, а вот Командор пусть остается каменной статуей, и не тревожит нас больше».